

Е. Ю. Казакова-Апкаримова, Е. К. Созина
**«ИЗЛЮБЛЕННЫЕ ЛЮДИ». ТИПЫ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ
 ИНТЕЛЛИГЕНТОВ В ИЗОБРАЖЕНИИ Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА**

doi: 10.30759/1728-9718-2022-4(77)-137-146

УДК 82-43(470.5)

ББК 83.3(235.55)

Д. Н. Мамин-Сибиряк состоял в нескольких культурно-просветительских общественных организациях, был знаком со многими представителями провинциальной интеллигенции, которые стали прототипами цикла его очерков под названием «Излюбленные люди» (1896). Очерки посвящены уральским ученым-краеоведам, собиравшим по крупицам сведения об истории и культуре Урала: П. М. Вологодскому, Н. К. Чупину, В. Н. Шишонко и некоторым другим. Образы героев очерков неоднозначны. С одной стороны, это энтузиасты, бескорыстные труженики, движимые любовью к науке и родному краю, вызывающие горячую симпатию рассказчика. С другой же стороны, фигуры уральских летописцев и археологов даны в ироническом свете, их квартиры, заполненные бумагами, археологическими находками и пр., напоминают дом Плюшкина из поэмы Гоголя. Сквозным мотивом цикла, связанным с «излюбленными» героями Мамина, является горькое ощущение ими своей ненужности обществу, своего одиночества. Они избраны или выбраны («излюблены» в старинном значении этого слова) быть просветителями провинции, сохранять ее историческую память. Но «глухое болото» провинциальной жизни затягивает их, они сами ощущают свою маргинальность и культурный разрыв не только по линии «столица–провинция», но и по отношению к своим же землякам-уральцам. И тем не менее, Мамин подчеркивает глубинную связь его героев со своей землей и ее людьми, городской «толпой», «избранниками» которой они являются. Поэтому в последнем очерке цикла утверждается мысль о высокой миссии «мирского человека», знающего все нужды родного города, заботящегося о других более, нежели о себе.

Ключевые слова: *Д. Н. Мамин-Сибиряк, «Излюбленные люди», цикл очерков, интеллигенты, краеведы, провинция, Урал, город, общественная жизнь*

«А между тем... в провинциях-то и живут люди рассуждающие, серьезно интересующиеся наукой и литературой, с любовью следящие за современным направлением мысли. В провинции-то обыкновенно и развиваются дельные, крепкие люди, оттуда-то и наезжают они в столицы, “с жадной жадностью и труда”, со свежими силами и с любовью к делу», — писал Н. А. Добролюбов в связи с выходом в 1859 г. первой книжки знаменитого «Пермского сборника» Д. Д. Смышляева.¹ К числу писателей, для которых провинциальная, местная жизнь, самодеятельность на местах, областная литература были чрезвычайно и всегда важны, принадлежал Д. Н. Мамин-Сибиряк. Собственно,

¹ Добролюбов Н. А. Пермский сборник. Повременное издание. М., 1859. Кн. 1. // Современник. 1859. № 10. С. 358.

Казакова-Апкаримова Елена Юрьевна — д.и.н., в.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
 E-mail: apkarimova@mail.ru

Созина Елена Константиновна — д.филол.н., профессор, в.н.с., руководитель Центра истории литературы, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
 E-mail: elenasozina1@rambler.ru

он сам был из разряда людей, озабоченных проблемами своего края, умеющих увлечь и других общими интересами и заботами. Об этом говорит, например, его роль в образовавшемся в конце 1880-х гг. кружке екатеринбургской интеллигенции, куда входили многие известные в ту пору писатели, драматурги, даже меценаты. Кружок получил название «мамнинского», хотя исследователи считают его частью Екатеринбургского музыкального кружка.² В 1884 г. Мамин-Сибиряк был избран в действительные члены Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ), будучи представленным к баллотировке известными общественными деятелями М. В. Малаховым, Л. П. Ахматовой и О. Е. Клером,³ которых он чрезвычайно ценил и упоминал в своих очерках о путешествиях по Уралу («Город Екате-

² См. об этом: Чекин В. П. «Маминский кружок в Екатеринбурге» // Д. Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников. Свердловск, 1962. С. 50–64; Казанцева-Иванова М. А. «Д. Н. Мамин и его друзья» // Там же. С. 66–71; Беляев С. Портреты: очерки о музыкантах прошлого. Екатеринбург, 1999; Митрофанова Л. Д. Н. Мамин-Сибиряк в контексте литературной, общественной и культурной жизни Урала 1880-х гг. // Урал. 2007. № 11. С. 179–190.

³ См.: Протокол XIV годовичного собрания Уральского общества любителей естествознания 21 октября 1884 года // Записки УОЛЕ. Екатеринбург, 1885. Т. 8, вып. 1. С. 51.

ринбург», «Старая Пермь», «От Зауралья до Волги»). Со многими исследователями Пермского края Мамин-Сибиряк сотрудничал, будучи членом Пермской ученой архивной комиссии (ПУАК).⁴ Неудивительно, что в литературном наследии Мамина-Сибиряка показаны различные типы уральских людей — старателей, рабочих, горнозаводчиков, купцов, сплавщиков, крестьян, духовных лиц и многих других. Не последнее место среди них занимают провинциальные интеллигенты, близкие Мамину по духу, жившие не только «хлебом единым».

В основном Мамин показывает горнозаводскую интеллигенцию. Назовем здесь такие известные романы писателя, как «Приваловские миллионы», «Горное гнездо», «Три конца», к ним присоединяется роман «Именинник» (прототипом его центрального героя стал пермский деятель Д. Д. Смышляев), а также некоторые петербургские романы, как, например, «Весенние грозы», многие рассказы, очерки, пьесы («Маленькая правда»). Гораздо менее известен цикл очерков Мамина под названием «Излюбленные люди», посвященный изображению уральских ученых-краеведов, чаще всего непрофессиональных историков, собиравших по крупицам сведения об истории, экономике, разнообразном населении, культуре и древностях Урала. На наш взгляд, рассмотрение их образов позволяет не только заглянуть в творческую мастерскую Мамина, но и расширить современные представления об уральской интеллигенции, ее роли в общественной жизни Урала, реконструировать собирательный образ уральского краеведа. Наиболее целостный, хотя и краткий, анализ цикла был дан И. А. Дергачевым,⁵ остальные, весьма немногочисленные, работы об очерках Мамина касаются отдельных аспектов изображения их героев, мы упоминаем их далее по ходу изложения.

Цикл был напечатан в 1896 г. в газете «Русские ведомости» (№№ 157, 171, 185, 213) и заново опубликован профессором И. А. Дергачевым в журнале «Урал» в 1983 г. (№ 1) и сборнике Д. Н. Мамина-Сибиряка вместе с романом «Именинник» в 1989 г. Соседство это

неслучайно, поскольку и в романе, и в очерках представлены образы беззаветных тружеников родного края, живущих вдали от столиц, но относимых, как выразился ученый, к «русской интеллигентской элите».⁶ Однако есть и существенное различие. В главном герое романа, земском деятеле Павле Васильевиче Сажине, представлен тип «лишнего человека», помещенного в эпоху конца 1860–1870-х гг., но пораженного недугом гамлетизма 1880-х.⁷ Сам писатель так определял замысел своего романа: «...содержание — трагические провинциальные люди, которым некуда девать свои силы».⁸ В романе Сажину противопоставлен «мещанин Пружинкин», справедливо охарактеризованный Дергачевым как «“радетель” за всех обиженных... “ходатай” в несложных, но насущных делах слабых людей, населяющих городскую слободку».⁹ «Человек слова» (первоначальное название произведения) противопоставлен человеку дела, каким бы маленьким оно не казалось. В сущности, похожую антитезу мы встречаем и в очерках цикла «Излюбленные люди», но их персонажами являются, как уже было сказано, провинциальные интеллигенты, архивисты, собиратели древностей, не стремящиеся к славе и известности (и в этом их сходство с Пружинкиным из романа). За каждым из них стоят свои прототипы, расшифрованные И. А. Дергачевым, не раз упомянутые Маминым в других произведениях.

Цикл представляет собой осознанное проблемно-тематическое и художественное единство, связанное с изображением типа «излюбленного человека». Все герои цикла «служат истории родины, каждый по-своему, но одинаково не ожидая мзды».¹⁰ Героем первого очерка «Великий человек на малые дела» является Аристарх Иваныч, его прототипом является активнейший член Уральского общества любителей естествознания, один из организаторов Сибирско-Уральской научно-

⁶ Там же. С. VI.

⁷ Вопрос о том, как соотносится герой-неудачник маминского романа, покончивший жизнь самоубийством, со своим прототипом — известным пермским деятелем Д. Д. Смышляевым, хотя и покинувшим пост председателя земской управы, но не ушедшим на этом из жизни и сделавшим много полезного для Перми, развития ее культурной и общественной жизни, отчасти рассматривает И. А. Дергачев в указанной работе.

⁸ Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч.: в 12 т. Свердловск, 1949. Т. 4. С. 367 (из комментария Е. А. Боголюбова). Эту же цитату Мамина, взятую из письма В. А. Гольцеву 1887 г., приводит И. А. Дергачев. См.: Дергачев И. А. Звено в цепи. С. VI.

⁹ Дергачев И. А. Звено в цепи. С. XIV.

¹⁰ Там же. С. XXII.

⁴ См.: Состав членов Пермской ученой архивной комиссии к 1 января 1892 года // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Пермь, 1892. Вып. I. С. 24; Состав членов Пермской ученой архивной комиссии к 1 марта 1893 года // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Пермь, 1893. Вып. 2. С. 12.

⁵ См.: Дергачев И. А. Звено в цепи // Мамин-Сибиряк Д. Н. Именинник. Пермь, 1989. С. XX–XXXII.

промышленной выставки 1887 г. Павел Михайлович Вологодский (1841–1888). Героем второго очерка «Два летописца» стал Федор Павлыч Антропов, чей прототип — составитель знаменитой «Пермской летописи» Василий Никифорович Шишонко (1831–1889). Предшественником Антропова в этом же очерке назван ушедший из жизни Минусов, в его образе просматриваются черты личности автора «Географического и статистического словаря Пермской губернии» и других работ Наркиза Константиновича Чупина (1824–1882). В третьем очерке «Наш многоуважаемый...» за образом Сергея Степаныча Бородковского, по указанию Дергачева, стоит сразу несколько реальных деятелей науки и культуры в провинции — это Александр Ефимович и Александр Александрович Теплоуховы и Николай Никифорович Новокрещенных, археологи-любители, чей труд стал базой развития современной уральской археологии. Четвертый очерк «Мещанин Мотылев» несколько выпадает из общей оправы, поскольку прототип его героя не установлен. Он носит скорее безымянный, собирательный характер: это тип деятеля демократической провинциальной печати, которой Мамин придавал очень большое значение, он сам неоднократно порывался начать издание областной газеты, но по разным причинам замысел этот остался неосуществленным.

Между героями первых двух очерков Мамин устанавливает своеобразную преемственность, действительно существовавшую в истории. Аристарх Иваныч характеризуется как «человек по чужим делам», безотказно и бескорыстно вступающий на путь чужих «благих ожиданий», то есть даровой общественной работы. «Это был неисправимый идеалист, вечно кипевший и мучившийся, горевший на чужой работе и считавший себя грубым реалистом».¹¹ Центральным экспонатом «научно-кустарной выставки», в организации которой участвует Аристарх Иваныч, он сам считает «сводную летопись Энского уезда» Антропова (под ней имеется в виду Пермская летопись В. Н. Шишонко). Однако золотую медаль получает не этот беспримерный труд, а книга «Об испанском наследстве», присланная столичным профессором и не имеющая никакого отношения к русской (уральской) провинции. «Летописи Антропова едва достался похвальный отзыв».¹²

В очерке цикла Аристарх Иваныч и вся его неутомимая деятельность рисуются с достаточной долей иронии, несколько снисходительная ирония сквозит и в описании занятий героя, и даже в названии выставки (хотя сам Мамин относился к «кустарям» как раз с одобрением, противопоставляя их пролетариату). Одним из приемов оценки является языковая игра, возникающая в стиле повествования. Комический эффект дают фамилии гостей, явившихся на выставку: «профессор Белоротов, делегат от трех ученых обществ Налетов, два корреспондента столичных газет — Черешкевич и Бертенсон, шведский профессор Стрем... начинающий художник Молодкин...»¹³ «Великий человек на малые дела» — так называет Аристарха Иваныча корреспондент местной газеты, и эту насмешливую формулу делает заглавием очерка автор. Усилия Аристарха Иваныча оказываются непропорциональны результатам его действий, он вкладывает всю душу, все свои силы в чужие начинания, за неудачу которых ему же приходится и расплачиваться. Однако в некрологе на смерть П. М. Вологодского, излагая те же факты, Мамин писал о нем иначе, глубоко серьезно и даже трогательно. Он назвал его человеком шестидесятых годов, а это была высокая оценка в устах писателя. «Есть люди, значение которых оценивается только после смерти. <...> Если всякий думал и заботился о себе, то для Павла Михайловича интерес жизни сосредоточивался в общественной деятельности, тех вопросах и стремлениях, которые придавали шестидесятым годам такую интересную окраску».¹⁴ Главной его заслугой писатель полагал участие в деятельности УОЛЕ, в организации Урало-Сибирской научно-промышленной выставки, роль в которой Аристарха Иваныча несколько комично описана в очерке. «История каждого провинциального ученого Общества переполнена иногда тяжелыми днями, невидимой черной работой и своего

бряная медаль, а золотая — профессору Сомье за описание его путешествия по Сибири. «Положим, что вообще выставочные награды — вздор и что г. Шишонко работал и работает не для золотой медали, но имеет свою важность отношение публики к такому почтенному и единственному в своем роде труду, притом труду самому кропотливому и крайне неблагодарному». См.: Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч.: в 12 т. Свердловск, 1951. Т. 12. С. 296. В очерке «Великий человек на малые дела» писатель специально утрирует ситуацию награждения на выставке, чтобы показать случайность и произвольность выбора экспертной комиссии.

¹³ Мамин-Сибиряк Д. Н. Излюбленные люди. С. 266.

¹⁴ Мамин Д. Павел Михайлович Вологодский. (Некролог) // Записки УОЛЕ. 1889. Т. 12, вып. 1. С. 53, 54.

¹¹ Мамин-Сибиряк Д. Н. Излюбленные люди // Именинник. С. 260.

¹² Там же. С. 269. В очерке «Старая Пермь» Мамин-Сибиряк писал, что Шишонко за его летопись была присуждена сере-

рода мертвыми точками, выражаясь языком механики. <...> После покойного не осталось крупных трудов может быть именно потому, что он принужден был постоянно размениваться на мелочи и брать всякую работу»,¹⁵ — пишет Мамин в некрологе, а заканчивает, утверждая «идею высокого бескорыстия» (по выражению И. А. Дергачева), увиденную им в жизни П. М. Вологодского: «Какая похвала может быть выше: целую жизнь человек хлопотал о других, забывая о себе».¹⁶ Таким образом, оценка писателем реальной исторической личности отличается от той, что дана соответствующему персонажу в очерке, и это различие характерно для всего цикла.

Во всех трех очерках, рассказывающих об уральских краеведах и собирателях древностей, повествование ведется от лица рассказчика, за которым угадывается образ автора, лично встречавшегося со своими героями. Это придает рассказу достоверность и доверительность, автор-рассказчик погружает читателя в атмосферу небольшого провинциального города, порой подтрунивает над своими знакомцами, ставшими его персонажами, грустит над их судьбой, краткий итог которой подводит Федор Павлыч Антропов: «И судьба у всех одна: работали всю жизнь и не были оценены современниками. Что делать, русский человек еще не привык ценить и относиться с уважением к чужому труду...»¹⁷ Однако в чем причина ироничности авторского повествования о незаметных тружениках зарождающейся науки о родном крае? Попробуем разобраться с этим дальше.

Встречу с прототипом Антропова, пермским летописцем В. Н. Шишонко, Мамин-Сибиряк первоначально описал в очерке «Старая Пермь» (1889). Писатель высоко оценивал фундаментальный труд Шишонко, «из работ которого о пермском крае составитя целая библиотека». «Работа, во всяком случае, единственная, хотя и не оцененная по достоинству неблагодарными современниками, видящими в каждом труде одни недостатки»,¹⁸ — настаивает он, имея в виду историю с недооценкой летописи на Урало-Сибирской научно-промышленной выставке. «Желая познакомить» гостя со своей работой, Шишонко «велел принести совсем приготовленные к печати материалы. Это был настоящий архив».¹⁹

В очерке «Два летописца» Мамин стучит краски и представляет Антропова чудаковатым стариком, суетливым, исполненным «тревожной усталости». «Уютная семейная обстановка» Шишонко («Старая Пермь») сменяется описанием кабинета Федора Павлыча, напоминающим «второй или третий день творения», — столько там было беспорядка и различных недоделок. Антропов тяжело переживает критику и скептицизм в свой адрес, непонимание со стороны горожан, земского собрания, решившего прекратить печатание летописи «и передать этот вопрос на рассмотрение специалистов»: «И приходится оправдываться <...> Да, виновен и не заслуживаю снисхождения... Помилуйте, разве человек, проработавший даром тридцать лет, не сумасшедший? Другие играли в карты, пьянствовали, сплетничали... а я собрал какие-то дурацкие материалы, да и собирал, не имея специальных знаний для этого и никаких командировок...»²⁰ Встает извечная проблема непонимания поэта, ученого, наконец, просто интеллигента обществом, «толпой», говоря языком поэтическим. Но Антропов не унывает: «Подмигнув, Федор Павлыч проговорил: — А сводная-то летопись все-таки останется... хе-хе! Меня не будет, и страсти моих критиков улягутся. А, может быть, кто-нибудь и добрым словом помянет...»²¹ Ю. М. Курочкин так комментировал бескорыстный труд Шишонко: «Василий Никифорович понимал неподготовленность свою, как историка-археографа, и скудость возможностей и средств, но еще яснее понимал другое: надо спасать, пока возможно, от гибели ценнейшие документы давних эпох, сохранить их для будущих поколений. <...> И не смотрел, а действовал, хотя был всего лишь провинциальным лекарем, а не специалистом-археографом».²²

В плане активного действия и надежды на будущие поколения, которые, может быть, оценят его труд, Антропову противопоставлен его непосредственный предшественник Минусов (прототипом которого был Н. К. Чупин): он, не обращая внимания на окружающий мир и его изменения, «все сидел у себя в кабинете, заваленный старинными рукописями, книгами и архивными материалами». Он «никуда не выходил из своей казенной училищной

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Мамин-Сибиряк Д. Н. Излюбленные люди. С. 285.

¹⁸ Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч.: в 12 т. Т. 12. С. 295, 296.

¹⁹ Там же. С. 296.

²⁰ Мамин-Сибиряк Д. Н. Излюбленные люди. С. 282, 283.

²¹ Там же. С. 283.

²² Курочкин Ю. Книжные встречи. (Рассказы советского книголюбца). М., 1981. С. 113, 114.

квартиры, ни с кем не водил знакомства и вообще повел жизнь отшельника».²³ Перед читателем предстает амбивалентный образ «умного» («остроумного») человека, «светлой головы» со школьных лет, «большого оригинала», превратившегося в типичного кабинетного ученого, оторванного от общественной сферы деятельности. Еще более жесткие очертания имеет образ Королькова из романа «Именинник», в котором современники также видели отражение Чупина. «Корольков навсегда утонул в глухом провинциальном болоте, где постепенно превратился в настоящую архивную крысу».²⁴

Писатель не погрешил здесь против истины. Сходство нарисованного Маминым образа с реальной биографией Н. К. Чупина очевидно: «способности его к учению были прекрасны» (учился сначала в уездном училище, потом в гимназии); поступил в Казанский университет на историко-филологический факультет (также слушал лекции на естественном и камеральном факультетах), профессора обращали внимание на его «блестящие способности» и «необыкновенную память», знание языков и иностранной литературы; после службы делопроизводителем канцелярии главного начальника Уральского хребта занимался преподавательской работой в Горном училище. Но впоследствии, руководя этим учебным заведением, Чупин «мало помалу отдалился» от общества, «зная только одного неизменного друга — книгу», вел жизнь «отшельника и добровольного затворника немало оригинального».²⁵ Вместе с тем пермский историк обратил внимание на то, что Чупин «охотно принимал людей, любил побеседовать с навещавшими его», давал справки, делился знаниями по истории Урала. В. А. Ляпустин вспоминал, что, по убеждению его отца, интеллигентные силы Екатеринбурга, в особенности молодежь, группировались вокруг Н. К. Чупина.²⁶ Ляпустину как-то удалось послушать историю Чупина о грозном генерале В. А. Глинке и его камердинере Мишке. На этой встрече присутствовал и Мамин-Сибиряк, проявляя живой интерес к рассказу историка, который позже лег в основу повести Мамина «Верный раб» (1891). Не менее примечателен

отзыв о Чупине Д. Д. Смышляева: «Ученый в полном смысле слова, горячо любивший свою родину — Пермскую губернию и отдавший на служение ей всецело свою жизнь; человек, обладавший громадной памятью, делавшей из него “ходячий архив”, как его называли знакомые, всегда и со всяким готовый делиться неисчерпаемым запасом своих знаний; вечный затворник, зарывшийся в книги, архивные дела, рукописи, карты и планы, — покойный напоминал собою тип средневекового монаха, в тишине кельи поддерживавшего светочи знания...»²⁷

Возникает некоторое противоречие: с одной стороны, все мемуаристы подчеркивают отшельничество Чупина, его привязанность к книгам, к своему кабинету — вплоть до того, что когда Горное училище перевели в другое здание и Чупину пришлось менять квартиру, это был для него страшный удар, от которого он так и не оправился, поскольку переезд означал перемещение местоположения всех бумаг и папок, всего архива, разложенного прежде по кучам, которые он знал наизусть. С другой же стороны, многие отмечают, что, несмотря на свое отшельничество и аскетизм, Чупин охотно помогал молодым людям, студентам, принимал гостей, был радужен и словоохотлив, делился знаниями.

В личности человека, тем более такого незаурядного, каким был этот знаток своего края, любые крайности могут прекрасным образом уживаться и сосуществовать. В очерке «Два летописца» Мамин упростил и человеческую личность Чупина, и стиль его жизни. Опираясь на неопубликованный черновик шестого письма Мамина из писем «С Урала», напечатанных в газете «Новости» в 1884 г., В. И. Рябухина пишет: «Известно, что и в реальной жизни он относился к нему [Чупину — Е. К., Е. С.] двойственно, уважая “громадную эрудицию”, талантливость и добросовестность и содрогаясь от мертвящего образа жизни».²⁸ Она же справедливо замечает, что негативное впечатление от образа Минусова, обрисованного рассказчиком, несколько компенсируется восхищением Антропова в адрес своего учителя, также показанным в тексте.

²⁷ Материалы для биографий замечательных местных деятелей. Наркис Константинович Чупин // Смышляев Д. Д. Сборник статей о Пермской губернии. Пермь, 1891. С. 269. URL: <https://elibrary.ru/handle/123456789/217039> (дата обращения: 10.06.2022).

²⁸ Рябухина В. И. Светотени в образах уральских краеведов у писателя Д. Н. Мамина-Сибиряка // Третьи Чупинские краеведческие чтения: материалы конференции. Екатеринбург, 2006. С. 176. Фрагменты из черновика шестого письма Мамина см.: Владимирский Д. История «шестого письма» // На смену! 1969. 29 апр. С. 3.

²³ Мамин-Сибиряк Д. Н. Излюбленные люди. С. 275.

²⁴ Он же. Именинник. С. 190.

²⁵ Дмитриев А. А. Чупин Наркис Константинович // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Пермь, 1902. Вып. 5. С. 74, 75.

²⁶ См.: Ляпустин В. А. Встречи, которые забыть нельзя // Д. Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников. С. 79–89.

В произведении Мамина сквозит лейтмотив начала, фрагментарности, незаконченности, «подготовительной» краеведческой работы, которая закладывала фундамент для будущих поколений исследователей Уральского края, и вместе с тем важности регионального подхода к написанию истории России, что осознают сами летописцы. «Если бы каждая губерния представила свою летопись — страшно подумать о таком материале, а русская история еще только напишется именно по такому материалу, собранному на месте действия. Наступит новая эра... Наша русская история писалась в столицах, по данным столичных архивов, писалась одним лицом, как Карамзин и Соловьев, но ведь это значило объять необъятное. Материалы еще только собираются...»,²⁹ — говорит Антропов. Мотивом этой кропотливой и мало кем замечаемой работы как у персонажа маминского очерка, так у его прототипа была любовь к Уралу и богатейшей народной культуре.

В очерке «Наш многоуважаемый...», в отличие от остальных произведений цикла «Излюбленные люди», Мамин вводит вымышленный топоним — город Головань. Уральские города под него не подходят, судя по топографии и истории («кривые и узкие улочки, выдавшие еще татарву и лихих людей тушинского вора», «дома разных архитектурных эпох», сохранившиеся «еще от времен Тахтамышша», наличие кремля), скорее, это город центральной или даже северо-западной (новгородско-псковской) России. Однако в лице главного героя Степана Степаныча Бородковского, к которому автора-рассказчика ведет «знакомый моего знакомого», как считается, писатель вывел собирательный образ именно пермских археологов. «Знаменитость», «самый уважаемый у нас человек», «по профессии... врач, а в археологии любитель», но «занимается только своей археологией»,³⁰ — так представляет Бородковского знакомый знакомого. Попытаемся раскрыть исторические параллели персонажа с реальными археологами.

«Патриарх российского лесоводства», главный управляющий лесами Строгановых в Пермской губернии, Александр Ефимович Теплоухов в возрасте 64 лет уходит в отставку и целиком переключается на археологию.³¹ За-

ботаясь о сохранении леса, он еще будучи лесоводом с помощью сторожей и смотрителей собирал археологические древности и самые интересные из них пересылал в общество археологии. В 1863 г. он выехал в Западную Европу, где посещал археологические музеи, знакомился с крупными специалистами в этой области. Возвратившись из-за границы, стал усиленно пополнять Ильинскую коллекцию пермских древностей. Публиковал статьи на немецком языке, в 1880 г. из печати вышли уже на русском языке две его статьи по археологии: «Известие о чудском селище близ села Кудымкорского» и «О доисторических жертвенных местах на Урале».³² О высокой оценке научных заслуг Теплоухова свидетельствует его членство во многих научных обществах: с 1839 г. член-корреспондент «Общества для поощрения лесного хозяйства», с 1845 г. член-корреспондент Вольного экономического общества, с 1854 г. действительный член Пермского статистического комитета, с 1856 г. действительный член Комитета лесоводства при императорском московском обществе сельского хозяйства и почетный член Уральского общества любителей естествознания в Екатеринбурге, с 1883 г. действительный член Антропологического общества в Вене и т. д.³³

Мамин-Сибиряк представляет Бородковского как «сгорбленного старика, одетого в какую-то необыкновенную синюю рубаху, спускавшуюся ниже колен, — в таких рубахах иконописцы изображают иногда старинных русских угодников...»³⁴ Весь его облик, как и образы летописцев в предыдущих очерках, подсвечен авторской иронией. Мы опять видим дом, в котором кучами, как у гоголевского Плюшкина, лежат различные находки хозяина: «Небольшой зал, небольшая гостиная и большой кабинет представляли собой археологический институт после пожара».³⁵ «Специалист-любитель» старается не пускать к себе незнакомых людей, опасаясь «казенных археологов, «которые любят чужими руками жар загребать». Однако сами зарисовки «отдела церковной археологии», объяснения, которые дает хозяин своим коллекциям, собранным на «личные средства, без всякой посторонней помощи» («вот образ новгородского пошиба, а это два образа первого и второго

²⁹ Мамин-Сибиряк Д. Н. Излюбленные люди. С. 284.

³⁰ Там же. С. 289.

³¹ Бейлин И. Г., Парнес В. А. Александр Ефимович Теплоухов. М., 1969. С. 7.

³² Там же. С. 74, 75.

³³ См.: Там же. С. 77, 78.

³⁴ Мамин-Сибиряк Д. Н. Излюбленные люди. С. 290.

³⁵ Там же. С. 291.

строгановских писем...», «я дорожу особенно царскими вратами, на которых — вот посмотрите наверху — изображено таинство причащения в двух видах, а не тайная вечеря, как нынче»³⁶), поражают воображение гостя.

Назовем еще одного археолога-самоучку, которого мог иметь в виду Мамин-Сибиряк в этом очерке: горный инженер Н. Н. Новокрещенных. В 1896–1900 гг. Новокрещенных возглавлял Пермскую архивную комиссию, одновременно являясь председателем Пермской комиссии УОЛЕ. Он был интегрирован в сферу гражданской деятельности, будучи гласным уездного земства и пермской городской думы, почетным мировым судьей, попечителем пермского исправительного арестантского отделения и многое др.³⁷ В. С. Малченко относил его к категории «скромных провинциальных исследователей» и писал о том, что в среде специалистов имя «таких областных исследователей пользуется гораздо большей известностью и уважением, чем у земляков, увлекающихся деятелями иной категории».³⁸

Нельзя не заметить, что сквозной мотив цикла, связанный с «излюбленными» героями Мамина, бессребрениками, сделавшими свое увлечение главным делом жизни, — это горькое ощущение ими своей ненужности обществу, своего одиночества, некоей заброшенности, которая передается через запущенность их домов и квартир. Бородковский готов даром отдать свои коллекции в музей, хранителем которого он хотел бы быть, но — «не принимают». Единственная его надежда — это сын: «Меня не будет — сын останется», и при выходе из дома «знакомый знакомого» говорит о сыне Бородковского — «такой же будет», то есть с той же страстью занимается археологией. Налицо еще одна переключка с реальными фигурами людей, не совсем верный «список» с которых дает писатель. Сыновья А. Е. Теплоухова — Федор и Александр — действительно продолжали дело отца, занимались археологией и этнографией. Малченко вспоминал, что заветной мечтой другого маминского прототипа, Н. Н. Новокрещенных было создание «самостоятельного пермского музея как городского учреждения» («без прикрытия именем ученых обществ»), но долгое время эта идея не находила должного отклика у общественности и городской власти.³⁹

В финале третьего очерка рассказчиком овладевает «грустное настроение»: «Я невольно вспомнил других излюбленных провинциальных людей...»⁴⁰ Его знакомый проговаривает ключевую фразу, обобщающую увиденное: «Вообще, очень почтенный старик, и где-нибудь в другом, более культурном государстве, он составлял бы гордость соотечественников».⁴¹ Очевидно, что невниманье и равнодушие современников, земляков, а в целом всего общества к делу жизни провинциальных «самородков» — основная причина их ветхости, преждевременного увядания и ухода из жизни: в конце первых двух очерков сообщается о скорой смерти и Аристарха Иваныча, и Антропова; Минусов ко времени действия уже умер; у Бородковского на ногах туфли, напоминающие «те древнерусские “ичиги”, в каких доньше хоронят покойников по русским захолустьям»⁴² — прозрачная деталь, типа *memento mori*. С героем четвертого очерка, «мещанином Мотылевым», мы вообще знакомимся после его смерти. Горькое сожаление о судьбе ненужных «излюбленных людей» к четвертому очерку нарастает, в нем уже практически нет авторской иронии, исчезает фельетонная интонация, особенно заметная в первом очерке цикла, и этот финальный текст более напоминает рассказ, нежели очерк, проясняя некоторые мотивы сложного отношения автора к своим героям.

В произведении изображается сцена похорон Никандра Семеныча Мотылева, главы местной газеты «Пропадинский курьер». Под именем Пропадинска у Мамина всегда скрывался город Екатеринбург. Газеты с подобным названием в те времена в нем не выходило, но была газета «Екатеринбургская неделя», был «Деловой корреспондент», «Рудокоп», а на рубеже веков газет стало значительно больше. Образ рано ушедшего из жизни Мотылева также собирательный и воплощает судьбы многих провинциальных деятелей печати, своего рода «народных заступников», помогающих многим, но не умеющих помочь себе. «Себя не жалел... <...> Заступа наша померла» — говорят в толпе провожающих Мотылева. «Для всех этих людей в Мотылеве умер свой родной человек, знавший вдоль и поперек, где и как болит у маленького безответного человека»,⁴³ — коммен-

³⁶ Там же. С. 294.

³⁷ См.: Малченко В. С. Н. Н. Новокрещенных // Труды ПУАК. 1902. Вып. 5. С. 125.

³⁸ Там же.

³⁹ Малченко В. С. Н. Н. Новокрещенных. С. 126.

⁴⁰ Мамин-Сибиряк Д. Н. Излюбленные люди. С. 296.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. С. 291.

⁴³ Там же. С. 298, 299.

тирует повествователь. Далее сцена похорон дается через точку зрения Черноризцева, работавшего редактором газеты вместе с Мотылевым. Его задевают слова безымянного человека из толпы, сказавшего о нем: «...у Черноризцева душа будет малым делом покороче. Правильный человек, а дерзости настоящей, как у Лекандры Семеныча, и нет».⁴⁴ Но он сам соглашается с этим определением, вспоминает свои встречи с покойным, жалеет его семью. Описание семьи Мотылева дается целиком в зоне сознания героя, Мамин использует несобственно-прямую речь («Да, скверно... <...> Малы детки, всего напринимаются в сиротстве...»).

Исходя из ситуации похорон, рассказ Мамина может напомнить нам знаменитую повесть Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» (1886), с пониманием существенного различия этих двух произведений. Иван Ильич — просто человек, каких много, совершенно рядовой и ничем не примечательный. Событие смерти героя Толстого, кроме его семьи, никого особенно не затрагивает, писатель обнажает противоречие между этим главным событием жизни любого человека — и неосознанностью, в которой живет большинство людей, непониманием смерти всеми, включая самого Ивана Ильича, который «узнает» цену смерти и жизни лишь в момент расставания с последней. Поэтому смерть в повести Толстого — экзистенциальное событие. В очерке Мамина-Сибиряка смерть Мотылева переживается многими, все понимают, какого нужного человека они потеряли, то есть его уход — это в первую очередь событие общественное, затрагивающее многих жителей города.

В момент похорон Черноризцев осознает всю бездну, отделяющую его от «мирского человека» Мотылева: того связывала с толпой «кровная органическая связь», ради «мирского интереса» он «забывал о самом себе». Он же, Черноризцев, «был таким маленьким человеком, из разряда тех, которые гордятся своей порядочностью ... всю жизнь катался по рельсам, проложенным задолго до него».⁴⁵ В сущности, именно он, а не Мотылев, может напомнить нам Ивана Ильича из повести Толстого. В тексте рассказа Мамина неоднократно, даже назойливо подчеркивается мещанское происхождение Мотылева, этот же прием мы наблюдаем в романе Мамина «Именинник», где много раз говорится о «мещанстве»

Пружинкина. Очевидно, это было важно для писателя: мещанин — все равно что разночинец, человек разного чина, вышедший из народа, из самой гущи, толпы, а потому принужденный всю жизнь добывать «хлеб насущный», «с головой» уйти «в деловой мир живых людей, живых отношений и еще более живых злób своего тревожного мещанского дня».⁴⁶ В отличие от Мотылева, «Черноризцев, как большинство интеллигентных людей [курсив наш — Е. К., Е. С.], боялся так называемых практических расчетов, потому что всегда жил на готовое».⁴⁷ В финале он казнит себя поздним раскаянием: «Боже мой, как следовало беречь этого человека! — думал он, обвиняя себя в эгоизме».⁴⁸

Таким образом, деятельный «мещанин»-разночинец, сам обеспечивающий себя и в первую очередь заботящийся о других, о «мире», выступает «полным противовесом развинченным интеллигентным людям», для автора он безусловно предпочтительнее, интереснее, важнее. По-видимому, с этим отчасти связано ироничное отношение Мамина к летописцам и археологам-любителям, имеющим дело с бумагами и мертвыми древностями, а не с живыми людьми, в тиши кабинетов проводящим свои дни. Отношение Мамина к академической науке, к университетским ученым было достаточно сложным, даже напряженным. Об этом пишет Л. М. Митрофанова и приводит фрагмент из письма Мамина к сестре, где он рисует сатирическую картину «гоголевского» заседания «Общества любителей российской словесности», которое произвело на него самое гнетущее впечатление.⁴⁹ «Очевидно... что писателю антипатична не академическая наука как таковая и разного рода ученые и неученые заседания, а все то, что персонифицирует фальшь, неправду и искусственность жизни — одним словом, противоречит идее “живой жизни”».⁵⁰ Не следует также забывать, что цикл «Излюбленные люди» печатался в столичной газете «Новости» и раскрывал провинциальные типы именно перед столичным

⁴⁶ Там же. С. 306.

⁴⁷ Там же. С. 309.

⁴⁸ Там же. С. 311.

⁴⁹ Митрофанова Л. М. Д. Н. Мамин-Сибиряк и Н. К. Чупин: типы времени и интеллекта // Четвертые Чупинские краеведческие чтения: материалы конференции. Екатеринбург, 2008. С. 28, 29. См. этот же фрагмент из письма Мамина в комментарии Е. А. Боголюбова: Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч.: в 12 т. Т. 14. С. 364, 365.

⁵⁰ Митрофанова Л. М. Д. Н. Мамин-Сибиряк и Н. К. Чупин. С. 29.

⁴⁴ Там же. С. 299.

⁴⁵ Там же. С. 305, 306.

читателем, главным образом петербургским. К его восприятию должен был прислушиваться автор, это также могло диктовать иронично-снихождительный стиль рассказа о медвежьих углах российской провинции, Энсках, Голованях, Пропадинсках, где живут такие же дикие, ветхие люди.

Теперь самое время обратить внимание на заглавие цикла Мамина. Какое значение вкладывал писатель в формулу «излюбленные люди»? В. И. Рябухина характеризует персонажей очерков как неудачников, которым, при всей их высокой нравственности и совестливости, свойственны такие черты как «инфантильность, пассивность, безропотность, неумение и нежелание сопротивляться и противостоять окружающей действительности», и отмечает их полное соответствие маминскому заглавию. Определение «излюбленные» обычно применяют, пишет она, говоря «о неодушевленных предметах: “излюбленное занятие”, “излюбленное место”. По отношению к людям оно воспринимается иронично и больше ассоциируется со строкой “излюбили тебя, измызгали”, т. е. использовали, истратили, издержали и оставили за ненадобностью».⁵¹ Этот смысл она предлагает видеть и в названии цикла Мамина.

Думается, исследовательница допустила некоторую произвольность толкования, руководимая вполне понятным стремлением расшифровать формулу Мамина. Попробуем несколько скорректировать ее объяснение.

В словаре древнерусского языка И. И. Срезневского излюблѣти толкуется как «избрать, предпочесть»,⁵² отсюда излюбленные — значит избранные, те, кого предпочли. По словарю В. И. Даля, излюблять, излюблѣть означает «избрать по выбору, выбрать в должность, по мировому приговору, выбаллотировать».⁵³ То есть «излюбленные» — это опять-таки выбранные или избранные. В сходном значении (избранных или выбранных людей) выражение встречается и у других писателей XIX в., что показывает нам Национальный корпус русского языка. Это же значение имеет данная формула в романе Мамина «Именинник» («В качестве излюбленного земского человека Сажин пользовался особенным вниманием публики...»⁵⁴).

⁵¹ Рябухина В. И. Светотени в образах уральских краеведов у писателя Д. Н. Мамина-Сибиряка. С. 174.

⁵² Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. Труд И. И. Срезневского. URL: <http://oldrusdict.ru/dict.html#> (дата обращения: 10.06.2022).

⁵³ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1881. Т. 2. С. 25.

⁵⁴ Мамин-Сибиряк Д. Н. Именинник. С. 153.

Полагаем, что в употреблении формулы «излюбленные люди» в очерках Мамина соединяется несколько значений. Прежде всего возникает вопрос: кем и куда избраны герои маминских очерков? Конкретно их никто не избирал, они назначили эту роль себе сами, но получилось так, что они все равно избраны — «миром», своей волей, современниками, как бы ни были потом окружающие равнодушны к их деяниям. Избраны или выбраны, назначены исполнять высокую миссию — быть просветителями провинции, сохранять ее историческую память. Но «глухое болото» провинциальной жизни затягивает их, на этот аспект смыслового пространства очерков обратила внимание Л. М. Митрофанова:⁵⁵ оппозиция столица–провинция вполне актуальна для Мамина. Однако и среди них есть те, кто смирился и ушел в «отшельники», «издержал», израсходовал себя, и те, кто способен занять активную, деятельную позицию, звать и будить других, как, скажем, мещанин Мотылев, по-настоящему «излюбленный», то есть избранный своим «мещанским» кругом. Они «излюбленные», потому что особенные, других таких нет. Из таких людей в провинции складывалась особая культурная среда общественных деятелей, в городском социокультурном пространстве появлялись немногочисленные по составу общественные организации или кружки (неформальные и легализованные) культурно-просветительской направленности, действующие на началах самоуправления. Процесс их зарождения также показал Мамин-Сибиряк.

Мамин-Сибиряк дал достаточно точный исторический портрет деятелей уральской культуры, подвижников и энтузиастов, бескорыстных тружеников, единственным мотивом работы которых была любовь к науке и родному краю. Провинциальные исследователи сделали немало для сохранения исторических древностей, они формировали соответствующую культуру населения, занимались популяризацией исторических знаний (включая археологические и археографические). Ими были написаны первые капитальные труды по истории Урала, которые до сих пор востребованы в науке. Но образы тружеников краеведческой науки, проходящие по страницам маминского цикла, весьма и весьма неоднозначны. Уральский писатель не просто описал людей провинции, всецело

⁵⁵ См.: Митрофанова Л. М. Д. Н. Мамин-Сибиряк и Н. К. Чупин: типы времени и интеллекта. С. 26, 27.

посвятивших себя служению своему делу, но и поставил проблему оценки их трудов и их личностей, обрисовал действительную трагедию их жизни — людей, ненужных своим современни-

кам, но архинужных своей земле и будущему. Думается, в этой проблемности, неоднозначности изображенных их типов и состоит значение очерков «Излюбленные люди».

Elena Yu. Kazakova-Apkarimova

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: apkarimova@mail.ru

Elena K. Sozina

Doctor of Philological Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: elenasozina1@rambler.ru

“BELOVED PEOPLE”. TYPES OF PROVINCIAL INTELLIGENTSIA
IN THE REPRESENTATION OF D. N. MAMIN-SIBIRYAK

Mamin-Sibiryak belonged to several cultural and educational public organizations, was familiar with many representatives of the provincial intelligentsia, who became the prototypes for a cycle of his essays called “Beloved People” (1896). The essays are devoted to the Ural local historians, most often non-professional scientists, who collected bit by bit information about the history and culture of the Urals: P. M. Vologodsky, N. K. Chupin, V. N. Shishonko and some others. The characters of the essays are ambiguous. On the one hand, they are enthusiasts, selfless workers, driven by love for science and their native land, evoking the author’s ardent sympathy. On the other hand, the figures of the Ural chroniclers and archaeologists are given in an ironic light, their apartments filled with papers, archaeological finds, etc., bring to mind Plyushkin’s house from Gogol’s poem. Their bitter feeling of their uselessness to society, their loneliness is a running motif of the cycle, associated with Mamin’s “beloved” heroes. They are elected or chosen (“beloved” in the ancient meaning of the word) for a high mission — to be enlighteners of the province, to save its historical memory. But the “deaf swamp” of provincial life is drawing them in, they themselves feel their marginality and cultural gap not only along the line of “the capital and the province”, but also in relation to their Ural countrymen. Nevertheless, Mamin emphasizes the deep connection of his characters with their land and its people, the city “crowd”, which “chosen ones” they are. Therefore, the last essay of the cycle affirms the idea of the high mission of a “worldly person”, who knows all the needs of his native city, who cares about others more than about himself.

Keywords: *D. N. Mamin-Sibiryak, “Beloved people”, series of essays, intelligentsia, local historians, province, Urals, city, public life*

REFERENCES

- Beilin I. G., Parnes V. A. *Aleksandr Efimovich Teploukhov* [Alexander Efimovich Teploukhov]. Moscow: Nauka Publ., 1969. (in Russ.).
- Dergachev I. A. [A link in the chain]. *Mamin-Sibiryak D. N. Imennik* [Mamin-Sibiryak D. N. Birthday man]. Perm: Permskoye kn. izd-vo Publ., 1989, pp. V–XXXII. (in Russ.).
- Mitrofanova L. [D. N. Mamin-Sibiryak in the context of the literary, social and cultural life of the Urals in the 1880s]. *Ural* [The Urals], 2007, no. 11, pp. 179–190. (in Russ.).
- Mitrofanova L. M. [D. N. Mamin-Sibiryak and N. K. Chupin: types of time and intellect]. *Chetvertyye Chupinskiye krayevedcheskiye chteniya: materialy konf.* [Fourth Chupin local lore readings: conference materials]. Ekaterinburg: S. n., 2008, pp. 23–31. (in Russ.).
- Ryabukhina V. I. [Light and shadow in the images of the Ural local historians by the writer D. N. Mamin-Sibiryak]. *Tret'i Chupinskiye krayevedcheskiye chteniya: materialy konf.* [Third Chupin local lore readings: conference materials]. Ekaterinburg: SOUNB Publ., 2006, pp. 171–177. (in Russ.).

Для цитирования: Казакова-Апкаримова Е. Ю., Созина Е. К. «Излюбленные люди». Типы провинциальных интеллигентов в изображении Д. Н. Мамина-Сибиряка // Уральский исторический вестник. 2022. № 4 (77). С. 137–146. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-4(77)-137-146.

For citation: Kazakova-Apkarimova E. Yu., Sozina E. K. “Beloved People”. Types of provincial intelligentsia in the representation of D. N. Mamin-Sibiryak // Ural Historical Journal, 2022, no. 4 (77), pp. 137–146. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-4(77)-137-146.